

УДК 81'246
ББК 81.002.1
Т 46

Тихонова А.П.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: aza.tihonova@mail.ru

Звуковые корреляции согласных и гласных в хаттском и абхазо-адыгских языках *(Рецензирована)*

Аннотация:

Доказывается генетическое родство хаттского и абхазо-адыгских языков на фонетическом и лексическом уровнях. Выявляются звуковые соответствия согласных и гласных в исследуемых языках и их диалектах по звонкости – глухости, мягкости – твердости, силе – слабости (придыхательные - непридыхательные), описывается чередование гласных и отпадение конечных гласных в зависимости от фразового ударения.

Ключевые слова:

Генетические связи, звуковые корреляции, ударение

Tikhonova A.P.

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department, Adyghe State University, e-mail: aza.tihonova@mail.ru

Sound correlations of consonants and vowels in Hattian and Abkhaz-Adyghe languages

Abstract:

The genetic relationship of Hattian and Abkhaz-Adyghe languages is proved at phonetic and lexical levels. The author reveals sound compliances of consonants and vowels in the languages under study and their dialects by sonority – dullness, softness – hardness and force – weakness (aspirate - unaspirated). An alternation of vowels and falling away of final vowels depending on a phrase accent are described.

Keywords:

Genetic relationships, sound correlations, accent.

Изучение системы хаттского вокализма и консонантизма является одной из важнейших и ключевых задач хаттологии. База для исследования звукового строя хаттского языка пока еще не создана. О его звуковом составе приходится судить лишь по графическим вариантам, встречающимся в хаттских текстах, и чаще на основе вариантов, которые за-

имствованы хеттским языком.

Первыми, кто письменно зафиксировал хаттский язык, были хеттские писцы. В связи с этим все, что нам неясно в хеттской (палайской, лувийской) графике, остается неясным и применительно к хаттскому языку [1: 38].

Для передачи слов хетты пользовались набором клинописных слоговых фо-

нетических знаков (силлабарием), практически совпадающим (если не считать небольших отклонений в употреблении отдельных знаков) со староаккадским. Естественно, что эта чужая система письма была совершенно не приспособлена для передачи хеттских фонем. Приспособление же ее для передачи хаттских фонем можно считать лишь относительным.

По данным И.М. Дьяконова, хаттский вариант аккадской клинописи, которой записаны хаттские тексты, позволяет различать всего 13 согласных – *m, p, n, t, š, c, k, h, l, r, w, f* и *j* – последний не во всех случаях и 4 гласных – *a, i, u, e* – последний не во всех случаях. Между тем, колебания в написании некоторых слов позволяют подозревать также существование фонем, не получивших своего графического обозначения [2: 169].

Другой особенностью хеттской клинописи является использование знаков для обозначения глухих и звонких смычных согласных, например, *ka – ga*. Однако это различие не имело фонетического значения, так как смычные согласные противопоставлялись не по признаку глухости – звонкости, а по другому признаку (можно думать, что различались сильные и слабые смычные или придыхательные и непридыхательные) [3: 63]. На примере графических вариантов хаттских богов можно показать, что этот закон действовал неукоснительно и для хаттской графики.

Сравните разные наименования главных хаттских богов: *Tabarna – Taparna, Tašharuna – Dašharuna*.

При этом, однако, возникает вопрос, было ли различие согласных по признаку силы – слабости или придыхательности – непридыхательности свойством самого хаттского языка.

Сопоставление хаттских и абхазо-адыгских графических знаков позволит дать ответ на ряд неясных вопросов о звуковом составе хаттского языка. На материале установленных данных разных исследователей можно уже считать дока-

занным генетическую связь хаттского и абхазо-адыгских языков [4].

Так как генетическое родство обязательно предполагает соответствие формы и значения сравниваемых элементов, для выявления корреляций гласных и согласных в хаттском и абхазо-адыгских языках нами рассматривались родственные слова или их компоненты, если совпадало их графическое написание и значение, взятое из хаттско-хеттской билингвы и из словарей современных абхазо-адыгских языков и их диалектов. Лексические единицы хаттского языка извлечены из текстов, приводимых А. Камменхубер и Э. Форером [5].

При совпадении написания и отсутствии перевода значение слова или его компонентов восстанавливалось через исследование адыгских языков. Хаттские слова даются в латинской транскрипции, их абхазо-адыгские соответствия – в кириллице.

При отборе слов для сопоставления согласных во внимание принимались закономерные звуковые соответствия согласных в адыгских (кабардинский, адыгейский) и абхазском языках и их диалектах по звонкости – глухости, мягкости – твердости и т.п. [6: 24-25].

Сравните: адыгей. *тыгъэ* – каб. *дыгъэ* «солнце», адыгейск. *ку* – каб. *гу* «подвода, повозка». В современных адыгских языках различие согласных по мягкости – твердости также не имеет фонематического значения: адыгейск. *члэ*, убых. *цлэ*, каб. *шьлэ* «дно»; темирг. *шы*, шапсуг. *щы* «лошадь». Таким образом, можно считать родственными такие хаттско-адыгские соответствия как каб. *бын* «дитя», *быны* «дети», хатт. *pín* «сын, ребенок», *píni* «дети»; адыг. *гьучлы* «железо», *гьучлэ* «кузнец»; хатт. *huzza* «железо», *huzzašša* «кузнец».

Соответственно, в абхазо-адыгских языках, как в хеттском и хаттском, противопоставление взрывных согласных идет не по признаку звонкости – глухости, а по признаку силы – слабости (придыхатель-

ные – непридыхательные), и различие между, скажем, *k – g*, *p – b* не имеет фонематического значения.

Анализ практического материала позволил установить, что одному хатт-

скому согласному могут соответствовать несколько адыгских или абхазских звуков. Ниже приводится таблица хаттских и абхазо-адыгских соответствий в области согласных.

Хаттский язык	Абхазо-адыгские языки
d du «большой»	д абхаз. <i>a-ду</i> , абаз. <i>ду</i> «большой»
t ta «отец» <i>uittanu</i> «вторая жена»	т адыгейск. <i>атэ</i> , ты «отец» тI адыгейск., каб. <i>тIуанэ</i> «вторая жена»
p nape «фасад» <i>pala</i> «затем»	п адыгейск. <i>нанэ</i> «лицо» пI адыгейск. <i>пIальэ</i> «срок»
b bar «большой»	б бэ «много»
k ku «душа» <i>akkatuh</i> «взял, отнял» <i>takkehal</i> «герой, победитель» букв. ‘труднопобедимый’	к каб. <i>ку</i> «сердце, душа» кь адыгейск. <i>кьытехын</i> «брат, отнять» кI адыг./каб. <i>текIон</i> «побеждать»
I li «кровь»	ль адыгейск. <i>лыы</i> «кровь»
h ha «ячмень» <i>tuh(i)</i> «жертвоприношение» <i>uaħa</i> «небо» <i>kaher</i> «управлять» <i>uahtu</i> «смертный» = «человек» <i>uaħa</i> «небо»	хь адыгейск., каб. <i>хьэ</i> «ячмень»; каб. <i>тыхь</i> «жертвоприношение» х каб. <i>кьэхун</i> = адыгейск. <i>гьэхун</i> «пасти» хь каб. <i>уахьты</i> «смертный» ф каб. <i>уафэ</i> «небо»
z zehar «дерево» <i>tetekuzzan</i> «очаг» (досл. ставить в середины огня) <i>zintuh(i)</i> «молодая жрица» <i>zzi</i> «жена»; <i>ua-zzu</i> «дикая птица» букв. ‘небесная, божественная птица’ <i>ua-zar</i> «овца» <i>zu</i> «земля»	ц а-цэхар «лубяная часть коры дерева» абх. <i>а-мца</i> , абаз. <i>мца</i> , убых. <i>мыджьэ</i> «огонь» цI каб. <i>цIынэ</i> «молодой, не достигший зрелости» бзы адыгейск./каб. «самка»; бзыу адыгейск., каб. «птица» с абх. <i>а-уаса</i> «овца» ц, цI убых. <i>цуэ</i> , адыгейск. <i>чы</i> «земля»
š uahis(i) <i>божества дома –is</i> (букв. божества, которые сидят в доме) <i>ašah</i> «злой» <i>ua-šhar</i> «верховный бог» <i>huzzašša</i> «кузнец» (суффикс -šša, означающий деятеля: «тот, кто знает железо») <i>tašteh</i> «(вы) опасайтесь, бойтесь»	с адыгей. <i>исын</i> «сидеть» ш абх. <i>а-ша</i> «горький» шь адыгейск. <i>шьхьап</i> «верхушка» шI <i>пхьашIэ</i> «плотник» от <i>пхьэ</i> «дерево», (суффикс – <i>шIэ</i> со значением деятеля) щ адыгейск. <i>щтен</i> «испугаться»

Приведенные примеры, хотя и в неполной мере, подтверждают, что в хеттской графике в интервокальном положении фонемы, передававшиеся посредством удвоения согласного, отличались от фонем, передававшихся в том же положении посредством неудвоенного согласного [7: 63].

Интересно отметить, что среди

хаттских и абхазо-адыгских соответствий практически не встречаются соответствия со звуком *f – φ*. Предположительно, этот звук более позднего происхождения. По мнению К.В. Ломтатидзе, *φ, φI* образованы из *шьу, шьIу* [8: 866].

В хаттских текстах встречаются оба варианта написания слов, как со звон-

кими, так и с глухими согласными. Например: *bala* – *pala* «затем»; *hanuašuit* – *hanuašuidd* «трон».

Так как различие между *t* – *d*, *p* – *b* не имеет фонематической силы, следует признать правомерными варианты написания в хаттском и заимствованиях из хаттского через *t* – *d*, *p* – *b*, как в слове *bar* – *par* «большой», *pala* – *bala* «затем». Сравните имена богов: *Tabarna* (*ta* «отец», *bar* «большой», *na* «око»), *Taparuašu* (*ta* «отец», *par* «большой», *uašu* «небо») – Палайское божество неба; *Tašhapuna* – *Dašhapuna* (*ta* – *da* «отец», *šhapu* – «верхушка», *na* «око, глаз»).

Смычный *t* и аффриката *z* [ts] были также взаимозаменяемыми в заимствованиях из хаттского: *Zaparua* (*Za* «отец», *par* «большой», *ua* «небо»). Предположительно замена *t* на *z* [ts] связана с усилением аспирации.

Для передачи отдельных хаттских гласных использовались всего четыре знака хаттского силлабария: *a*, *e*, *i*, *u*. Все остальные знаки использовались для передачи сочетаний фонем трех типов: «гласный + согласный, согласный + гласный, согласный + гласный + согласный». Сочетания фонем других типов должны были передаваться посредством весьма сложных комбинаций знаков, часто лишь приближенно соответствующих произношению [8: 63].

Как показывают выше приведенные соответствия, в хаттском также имели место сочетания двух согласных + гласный, таких как *ua-šhap* «верховный бог», *tašteh* «(вы) опасайтесь, бойтесь».

При отборе слов для сопоставления гласных во внимание принимались возможные соответствия гласных в абхазо-адыгских языках в зависимости от языковой группы и диалекта. Наиболее частотны соответствия: *a* – *э*; *a* – *э* – *ы*; *у* – *ы* – *а*. Сравните: адыгей., каб. *сэ*, абх., абаз. *са*, убых. *сы* «местоимение я»; адыгей./каб. *бгъу*, убых. *бгъы*, абазин. *бгъа* «спина». Таким образом, следует признать правомерными следующие хаттско-адыгские соот-

ветствия, как хатт. *na* – адыгей. *нэ* «глаз», хатт. *tuh(i)* – каб. *тыхъ* «жертвоприношение». Однако при сопоставлении хаттских и адыгских слов следует также принимать во внимание, что в ряде случаев в современном адыгейском языке *ы* – *э* имеют смыслоразличительную функцию. Сравните: *мы'лы* «лед» – *мэ'лы* «овца», но, как правило, при определении значения слова решающую роль играет контекст.

Сопоставление хаттских и адыгских слов, близких по написанию и значению наводит на мысль, что за хаттским символом *i* стоит гласный звук близкий к адыгскому иррациональному *ы*. Сравните: хатт. *tumil(i)* «дождь» – адыг. *мы'лы* «лед»; хатт. *pinu* «сын» – каб. *быны* «дети»; хатт. *li* «кровь» в составе имени божества крови *Telipinu* – адыгейск. *лбы* «кровь».

В адыгских языках также существуют корреляции и чередование гласных в зависимости от ударения внутри одного языка. Современным адыгским языкам присуще фразовое ударение, которое объединяет несколько слов с тесной смысловой связью. А.Н. Абрегов отмечает чередование гласных *a* и *э* в атрибутивных фразах: *пшьашъэ* «девушка», но *пшьэшъэ орэд* «девичья песня», *к'лалэ* «юноша» но *к'лэлэ дах* «красивый юноша» [9: 124].

Предположительно фразовое ударение выполняет ритмическую функцию и нередко сопровождается выпадением безударного гласного. Сравните: *к'лал'э* «мальчик – *к'лэлэ 'луш* «умный мальчик» – *си'к'лал* «мой мальчик».

В хаттском языке также допускается колебание гласных *a* – *e*, *e* – *i*, как, например, в слове «отец» *ta*, *te* (в составе сложных слов), в слове *zehar*; *zihar* «дерево».

Как показало изучение текстов, в хаттском, как и в современных адыгских языках, существуют неслоговые гласные [u] и [j], которые встречаются в комплексе с основными гласными и образуют дифтонги. Ниже приводится таблица хаттских и абхазо-адыгских соответствий в области гласных.

Хаттский язык	Абхазо-адыгские языки
a <i>na</i> «глаз, око»	э <i>нэ</i> «глаз»
a-e <i>ta, te</i> «отец»	ы <i>ты</i> «отец»
u <i>tuh(i)</i> «жертвоприношение»	ы каб. <i>тыхь</i> «жертвоприношение»
ua [wa] <i>ua</i> «орудие»	ya [wa] <i>yamэ</i> «молоток»
ui [wi] <i>uittanu</i> «вторая жена»	уи [wi] <i>уиунэ</i> «твой дом»
uu [wu] <i>uur</i> «страна»	у [wu] <i>унэ</i> «дом»
ue [we] <i>uel</i> – жилье, дом	уэ [we] <i>уэ</i> «небо, бог (убых.)»
ja [ja] -имеет	я [ja] <i>ябгэ</i> – злой

Написание *tumili* вместо *tumil* «дождь» в хаттских именных основах А. Камменхубер трактует как результат бес-сознательной хеттизации. Однако, как показал анализ практического материала, существуют два варианта написания и других хаттских слов: *takkihala* – *takkehal* «герой», хет. *Tahurp* – *Iřtanu* «бог солнца из Тахурпы» – хатт. *Eřtan* «бог солнца».

Предположительно в хаттском, как и в современных адыгских языках (по данным Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой) [10: 25], ударение было на последнем или предпоследнем слоге. Это позволяет утверждать, что отпадение безударного гласного в абсолютном исходе слов связано с чисто хаттским фонетическим процессом передвижения ударения с конечного открытого слога на предшествующий слог, что всегда сопровождается утратой конечных безударных гласных. Так как сдвиг ударения в хаттском не приводил к появлению новых слов, как в современном абхазском и абазинском (*al'a* «собака»; *'ala* «глаз»), можно сделать вывод, что ударение в хатт-

ском языке, хотя и было подвижным, не имело фонематического значения, как и в современном адыгейском и кабардино-черкесском языках [11: 138].

В современном адыгейском языке, где имеет место процесс передвижения ударения, такие пары не редкость. Сравните: *уцы* «трава», *уцыпэ* «верхушка травинки» – *Iэзэгъу уц* «лекарство (букв. «целебная трава»)», *чэ'ты* «курица» – *цагу'чэт* («букв. «домашняя курица»), *мэз'чэт* «фазан» (букв. «лесная курица»), *мэлы* «овца» – *Алый имэл* «овца Алия».

Результаты исследования подтверждают, что с типологической точки зрения фонетический строй хаттского языка, как и современные абхазо-адыгские языки, относится к консонантному типу, а вокализм хаттского языка характеризуется малочисленностью гласных фонем. Эти выводы свидетельствуют в пользу принадлежности хаттского и абхазо-адыгских языков к одной языковой группе. Общность данных языков также подтверждается и общностью лексики.

Примечания:

1. Камменхубер А. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии. М.: Прогресс, 1980. С. 23-98.
2. Дьяконов И.М. Языки древней передней Азии. М.: Наука, 1967. 492 с.
3. Иванов Вяч.Вс. Хеттский язык. М.: УРСС, 2001. 294 с.
4. Керашева З.И. Язык – ценный источник для познания истории народа // Вестник

- Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2008. Вып. 2. С. 93-97.
5. Kammenhuber A. Die protohattisch-hethittische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist // ZA, N.F. 1955. XVII (51). S. 102-123. Forrer E. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches // APAW K. Bittel und R. Nauman, Bogaszkóy II Adhd.d. PREUSS, Akad. D. Wissensch. 1938. Phil.-Hist. Kl. Nr 1. S. 228-242.
 6. Шаги́ров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. 1. 290 с.; Т. 2. 224 с.
 7. Иванов Вяч.Вс. Хеттский язык. М.: УРСС, 2001. 294 с.
 8. Ломтатидзе К.В. Об одной фонетической закономерности в абхазо-абазинском диалекте // Сообщения АН Груз. ССР. 1942. Т. III. № 8.
 9. Абрегов А.Н. О трансформации финального гласного именных основ [э] в грамматизированный суффикс относительных прилагательных в адыгских языках // Филологический вестник. Майкоп, 2005. № 7. С. 120-128.
 10. Рогава Г.В., Керашева З.И., Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, 1966. – 462 с.
 11. Кумахов М.А., Шаги́ров А.К. Абхазо-адыгские языки // Языки древней передней Азии. Т. III. Несемитские. Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. М.: Гл. ред. Восточ. лит., 1979. С. 133- 160.

References:

1. Kammenhuber A. The Hattian Language // Classic Languages of Asia Minor. M.: Progress, 1980. P.23-98
2. Dyakonov I.M. Languages of the Ancient Western Asia. V.: Nauka, 1967, 492 pp.
3. Ivanov Vyach. Vs. The Hittite Language. M.: URSS, 2001. 294 pp.
4. Kerasheva Z.I. Language is a Valuable Source for Understanding the History of People // Bulletin of Adyghe State University. No 2. Maikop, 2008. P. 93-97.
5. Kammenhuber A. Die protohattisch-hethittische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist, ZA, N.F., XVII (51), 1955, s.102-123. E. Forrer, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches, APAW K.Bittel und R. Nauman, Bogaszkóy II Adhd.d. PREUSS, Akad. D. Wis-sensch., 1938, Phil.-Hist. Kl. Nr 1, S. 228-242
6. Shagirov A.K. Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages. M.: Nauka, 1977. V.1. 290 pp; V. 2. 224 pp.
7. Ivanov Vyach. The Hittite language. M.: URSS, 2001, 294 pp.
8. Lomtadidze K.V. About a phonetic regularity in Abkhazo-Abadzin dialect // News of AS of the Georg. SSR, 1942, V. III, No. 8.
9. Abregov A.N. About the transformation of a final vowel of nominal stems [э] into a grammatical formant-suffix of relative adjectives in Adyghe languages // Philological bulletin, Maikop, 2005. – No. 7. P. 120-128.
10. Rogava G.V., Kerasheva Z.I. Grammar of the Adyghe Language. Krasnodar – Maikop: Krasnodar Publishing House. 1966. 462 pp.
11. Kumakhov M.A., Shagirov A.K. The Abkhaz-Adyghe Languages // Languages of Ancient Asian Near East. V. III. Non-Semitic languages. Iberian-Caucasian languages. Paleo-Asian languages. M., The Head publishing house of the Eastern Literature, 1979. V.3 P. 133-160.